

БАЗАРОВ И ДРУГИЕ

С ДАВНИХ ПОР меня поражает контрастностью своей живописи — портретной и пейзажной — такой зачитанный до дыр и прошедший тяжкие испытания всех школьных программ тургеневский роман, как «Отцы и дети». Фигуры первого и второго плана, обстановка, в которой действуют герои, их диалоги — объяснения, споры, стычки — все это отмечено контрастностью словесного рисунка. Если читатель на это не обратит внимания, он не сумеет верно распределить светотень, а потому и понять смысл всей вещи. Ему на помощь — комментарий. Но еще большую помощь может оказать читателю мастер художественного слова, чтец, если ему окажется под силу такая могучая живопись.

Обо всем этом я думал, слушая целый вечер, как читает «Отцов и детей» Вера Бальмонт. Я знал ее по другим программам, посвященным классикам и современникам. Как же, думал я, после Блока и Есенина прозвучит Тургенев? Как после Толстого и Чехова войдет в душу мелодика и пластика автора «Отцов и детей»? Талант — всегда неожиданность. И неожиданность ждала меня при встрече с героями давно знакомого романа. В чем эта неожиданность?

Если сравнить роман с групповым портретом, то композиция, которую я прослушал в исполнении Веры Бальмонт, могла бы быть названа «Базаров». Как существуют «Гамлет», «Дон Кихот», «Евгений Онегин». Да, это крупно выписанный могучий образ смелого, умного, мятежного тургеневского героя. Базаров в этой композиции [сделанной, кстати, самой Верой Бальмонт] — прежде всего человек, а не проблема. Это вовсе не значит, что смазана самая проблема отцов и детей, это вовсе не значит, что совершенно сняты или размыты образы других героев. Актриса сделала все, чтобы слушатель почувствовал человеческую душу Базарова, душу, которую он так умело прячет за нигилистической резкостью суждений. Оказывается, Базаров живет в нашем сознании не только в связи с проблемой отцов и детей, а главным образом и прежде всего как доведенный до плотности символа живой человеческий образ, выхваченный писателем из русской действительности.

Что, по существу, сделала Вера Бальмонт? Представьте себе, что с группового портрета давних лет вам нужно переснять одно особо для вас дорогое лицо. Пересняли, увеличили, разглядели. Примерно то же делает Вера Бальмонт. Ее Базаров как бы изъят на время из группового портрета. Выделен, поднят. Но не спешите с выводами. Актриса то и дело, следуя за Тургеневым, возвращает одиночный портрет в группу, и от этого нового возвращения он обретает и новые черты. Мы видим образ — один из первых в русской и мировой литературе — крупного ученого, новатора, смельчака, интеллигента из народных глубин. Это портрет в движении. А движение его координируется и определяется драмой жизни Базарова. Самый образ вне драмы не существует. Вот почему композиция драматична и, что не менее важно, исполнена поэзии.

За крупно выписанной фигурой Базарова проступают и Павел Петрович с Николаем Петровичем Кирсановым, и Одинцова, и старички родители главного героя, и другие, и другие. Каждая фигура в театре одного актера имеет при всем при том свой голос, свои черты, свой характер. Актриса стоит на сцене одна. Ни музыки, ни кинокадров, ни магнитофонной записи, ни световых эффектов. И все же сила тургеневского слова такова, что мы СЛЫШИМ музыку, ВИДИМ движущиеся фигуры, УЛАВЛИВАЕМ малейшие шорохи сада и улицы, ЧУВСТВУЕМ приближение вечера... Оказывается, в самом слове, если оно находится в руках культурнейшего мастера-чтеца, заключена огромная энергия. Задача состоит в том, чтобы эту энергию высвободить и направить в нужное русло.

Свою тургеневскую программу Вера Бальмонт показывала в различных аудиториях. Я слушал ее трижды. Последний раз — в Некрасовской читальне. Тут были люди разных возрастов и профессий. Я видел, как восторженно принимали тургеневских «Отцов и детей» в исполнении актрисы. Мне подчас приходилось слышать о Тургеневе и об этом романе: старомодно! Вера Бальмонт еще и еще раз показала, что классика и старомодность — несовместимы. Тургенев — это молодо, живо, поэтично.

Лев ОЗЕРОВ

ЛИТЕРАТУРА И ГОССИМ
Г. МОСКВА

1961 ГОД
1